

Б. Ю. Норман

Белорусский государственный университет

(Беларусь, Минск)

Уральский федеральный университет

(Россия, Екатеринбург)

boris.norman@gmail.com

К ВЫРАЖЕНИЮ ФУНКЦИИ MAGN В РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ (ВЫСКАЗЫВАНИЯ ТИПА *ТОТ ЕЩЕ СТУДЕНТ!*)*

В данной статье автор исследует обороты русской разговорной речи типа *Тот еще студент!* Порядок компонентов и грамматический род здесь могут меняться: *тот еще/еще тот, та еще/еще та, то еще/еще то, те еще/еще те*. Эти конструкции служат выражением лексической функции Magn ‘высокая степень, интенсивность’. Обычно эти обороты содержат пейоративную (негативную) окраску, однако иногда употребляются для того, чтобы передать чувство одобрения или даже восхищения. Приводятся примеры из русской художественной литературы. Автор делает попытку выяснить механизмы соотношения и взаимодействия сем ‘очень’ и ‘плохо’. Статья содержит семантический анализ существительных, заполняющих предикатную позицию в данных оборотах. На материале Национального корпуса русского языка (почти 400 примеров) показано, что слова с изначально отрицательной коннотацией (*бандит, нахал, урод*) согласуются с общей семантикой оборота. Слова с нейтральным или положительным значением (*бизнес, герой, золото*), попав в состав оборота, получают иронический оттенок. Ирония наиболее очевидна в случаях с диминутивами (*народец, подарочек, работка* и т. п.).

Ключевые слова: русская разговорная речь, лексическая функция, существительное, негативная коннотация, диминутив, ирония.

Одним из результатов применения метода компонентного анализа, столь популярного в середине XX века, стало открытие набора универсальных лексических функций, типа Лос ‘место, локализация’, Совп ‘конверсив’, Воп ‘хороший’,

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда; проект № 16–18–02005.

Sing ‘единичность’, Degrad ‘портиться’ и др. [Мельчук 1974: 82 и след.]. Эти функции, в значительной степени определяющие сочетаемость слов, играют роль своего рода универсальных мыслительных операторов в речевой деятельности. Скажем, лексическую функцию Magn (семантический компонент ‘высокая степень, интенсивность’) можно увидеть в таких выражениях, как *проливной дождь*, *круглый дурак*, *трескучий мороз*, *тяжелая болезнь*, *жгучая брюнетка* и др. В этом смысле прилагательные *проливной*, *круглый*, *трескучий*, *тяжелый*, *жгучий* оказываются синонимичными: просто их употребление обусловлено синтактикой (сочетаемостью). Учение о лексических функциях получило затем дальнейшее развитие в работах А. Вежбицкой, составившей свой список «семантических примитивов», с помощью которых можно истолковывать огромное количество ситуаций [Вежбицкая 1999: 140–141]. Методика компонентного анализа продолжает, с опорой на те или иные концепции, активно разрабатываться и другими исследователями, см., например: [Reuther 2003].

В данном случае предметом нашего внимания будет лексическая функция Magn и ее выражение в русском языке. Разумеется, значение ‘очень, много, сильно, в высокой степени’ может выражаться не только прилагательными вроде *проливной* или *жгучий*. Оно содержится также в семантике многих существительных (*бездна*, *ливень*, *оакия*), глаголов (*мчатся*, *обожать*, *нагуляться*), наречий (*окончательно*, *катастрофически*, *свято*), фразеологизованных предложно-падежных сочетаний (*до нитки*, *выше головы*, *от пуза*) и т. д. Несомненно его присутствие в словообразовательных производных вроде *холодина*, *дырища*, *худющий* и т. п., см.: [Крысин 2012]. Можно рассматривать среди средств выражения Magn и лексические повторы (редупликации): *длинный-длинный*, *громко-громко*, *ужас-ужас* и т. п. Для выражения той же функции в русском языке используются также местоимения и частицы (*самый*, *целый*, *аж* и др.). При этом «Magn’ов у одного слова может быть довольно много, например, у слова *интерес*, по данным НКРЯ, — более 20, у слов *любовь* и *скорость* — более 30, у слова *ответственность* — около 40 Magn’ов» [Кустова 2011: 258].

Одна из конструкций, имплицитно содержащих в себе функцию Magn в современном русском языке, — это сочетание элемента *тот* (по происхождению — указательного местоимения) с элементом *еще* (по происхождению — усилительной частицей). Первый элемент здесь может изменяться по роду и числу: *тот еще*, *та еще*, *то еще*, *те еще*. Может варьироваться и порядок компонентов: *еще тот*, *еще та*, *еще то*, *еще те*. По всем родам и числам вариант с препозицией бывшего местоимения фиксируется чаще, чем с препозицией бывшей частицы. Однако это не отражается на их семантике.

Следует признать, что на сегодняшний день интересующий нас оборот только этимологически связан с указательными местоимениями и усилительной частицей. Для современного языка он семантически неразложим. Чрезвычайно важна синтаксическая роль данной конструкции. Весь оборот *тот еще* и т. п. с функцией Magn занимает в предложении отчетливую предикатную позицию, как член предложения это — именное сказуемое. Именно поэтому элементы *тот*, *та*, *то*,

те в составе оборота стоят всегда в именительном падеже (это подчеркивает их отрыв от производящих местоимений). Использование оборота сопровождается повышенной экспрессией и эмфатическим ударением на элементе *тот / та / то / те*.

Оборот типа *Тот еще студент!* — яркая черта современной разговорной речи; в литературе до XX века он не встречается. Нет его и в словарях литературного языка. По-видимому, впервые зафиксировано это выражение в «Большом словаре русской разговорной экспрессивной речи» В. В. Химика с пометами и толкованием: *Неодобр. Разг.* О том, кто или что обладает отрицательными качествами в высшей степени. *Ванька тот еще жулик!* [Химик 2004].

Приведем теперь примеры из текстов:

В общем, едва ли надо объяснять, что **ученичок** я был **еще тот**. Нет, учился-то я как раз неплохо — не хуже многих. Но я (курсив мой) *вертелся* (Л. Рубинштейн. Духи времени).

Следовало переписать книгу в лучезарном ключе. Но расковыривать старый невроз — **то еще удовольствие** (Слава Сэ. Сантехник. Твое мое колено).

Все его соавторы — Геннадий Шпаликов, Валентин Ежов, Виктор Конецкий — были **те еще любители заложить за воротник** («Аргументы и факты», 2016. № 52).

...наши старшие
тоже думали о нас вещи страшные
и старались спасти свои детища
а мы были **деточки те еще**

(Л. Петрушевская. Стихи(хи)).

Что значит — *то еще удовольствие* или *деточки те еще*? Ясно, что таким образом подчеркиваются свойства предмета: его исключительность, высокая степень проявления. Одновременно с этим, очевидно, сообщается отрицательное отношение говорящего к данным свойствам (см. приведенное выше толкование оборота в Словаре В. В. Химика).

Однако представляется, что негативная оценка — менее обязательная семантическая составляющая данного оборота, чем Magn. Об этом говорят некоторые примеры, в которых употребление оборота *тот еще* или *еще тот* рассчитано скорее на то, чтобы вызвать у читателя чувство одобрения, уважения или даже восхищения.

Михалев. Да, я молодец!

Михалева. **Еще тот парень!**

Михалев. Ты тоже, мать, здорово все придумала.

Михалева. Да, мы были пара хоть куда!.. (Э. Радзинский. Спортивные сцены 80-х).

Ты пойми, это игра для взрослых. Воспринимай это как карнавал. Атрибутика у них жутковатая, но **парфюм — тот еще** (ж. «Берлинский телеграф». 2016, № 13).

В планах у наших талантливых студентов — масштабирование разработки на США, Россию и Украину. Так что **школа еще та**, главное — ее не потерять («Аргументы и факты». 2017, № 40).

В этих контекстах *тот еще парень* означает ‘замечательный парень’, *тот еще парфюм* — ‘благородный, фирменный парфюм’, *школа та еще* — ‘школа надежная, зарекомендовавшая себя’.

Употребление данного оборота в «положительном» значении явно вторично, производно по отношению к «отрицательному». По устному свидетельству А. Д. Шмелева, первая литературная фиксация конструкции с *тот еще* с одобрителем оттенком относится к повести А. И. Солженицына «Раковый корпус» (год завершения — 1966):

— Какое танго, это бабушки танцевали! Настоящий танец сейчас это рок-н-ролл. У нас его еще не танцуют. В Москве, и то мастера... **Тот еще танец!** — прищелкнула Ася. — Только точно не могу показать, сама не видела.

Вообще смена коннотации у слова — с «отрицательной» на «положительную» или наоборот — не такой уж редкий случай развития лексического значения, особенно в условиях разговорной речи (см. об этом, например, в [Розина 2014]). Но взаимодействие сем «сильного» и «плохого» в составе лексического значения слова имеет довольно сложный характер, который требует специального комментария. В основе здесь лежит взаимодействие параметрической («много») и аксиологической («плохо») семантики.

С одной стороны, когда «плохость» достигает высокой степени, своего максимума или тем более экстремума, она становится исключительной, психологически притягательной для индивида. Отсюда естественный интерес к разного рода преувеличениям, уродствам, извращениям, преступлениям. В связи с этим стоит вспомнить бахтинскую трактовку карнавала — особой привлекательной «жизни наизнанку», в которой сочетались эксцентрика и отмена запретов, «низ» становился «верхом» и т. п.: «Вольное фамильярное отношение распространяется на всё: на все ценности, мысли, явления и вещи» [Бахтин 1963: 164–165]. А современный автор, развивая эти идеи, свою книгу о русском просторечии назвал «Поэтика низкого» [Химик 2000].

В конце концов, самое низменное любопытство есть проявление интереса, а интерес, участвуя в формировании категории ценности, мотивирует познание. «На уровне обыденного сознания, ценность действительно можно рассматривать как предмет потребности или выражающего его интереса» [Максимов 1997: 113]. «Связь сознания с интересом (потребностью) есть выражение сущности ценностного отношения» [Там же: 139].

Неудивительно, что экстремальность оказывается психологически значимее (сильнее) эстетической или моральной оценки. Из речевой практики нам известны случаи, когда человек гордится или хвастается своими недостатками. Примеры такого рода фиксируются и в литературе:

— А помнишь наши уроки домоводства?

— Конечно, сама Лидия Григорьевна Салова вела. У меня всегда хуже всех получалось, — с парадоксальной гордостью поддержала Ася (Л. Улицкая. Бедные родственники).

А в следующей цитате женщина рассказывает о своем муже:

... Приятно само сознание того, что он есть, приятно сказать подруге или соседке при случае: «Мой вчера крышу перестилал, да ветром его прохватило, простыл малость, пришлось молоком горячим отпаивать». Или даже и так: «Мой-то как зенки залет, так сразу за ухват либо за кочергу и давай крушить что ни попадя, тарелки в доме целой уж не осталось». Вот вроде бы жалоба, а на самом деле — нет, хвастовство. Ведь не скажешь про него, что паровоз изобрел или атомное ядро расщепил, а хоть что-нибудь сделал, проявил себя, и за то спасибо. Мой! (В. Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина).

Мы видим, что речевой акт перемещается из одной категории (жалоба) в другую (хвастовство), и перлокутивный эффект не заставит себя ждать: наверняка подруга или соседка проникнется чувством уважения или даже зависти.

Всё это — о поэтизации отрицательного, о сдвиге данной категории на аксиологической шкале.

С другой стороны, верхний предел, максимум или экстремум какого-то свойства — это то, что не соответствует общепринятому стандарту, а потому не одобряется. Согласно польской поговорке, со *zanadto, to niezdrawo*. В приблизительном переводе: То, что «слишком», — это «плохо». В языке исконное стремление человека к «золотой середине» формирует интуитивную норму общения, экономящую усилия и оптимизирующую акт коммуникации. Как писал А. М. Пешковский, «все мы, чтобы нас понимали, должны равняться в нашей языковой деятельности по окружающим, должны говорить, как все... Всякий говорящий одновременно и подражает, и вызывает подражание, и говорит “как все”, и создает это “как все”» [Пешковский 1959: 61].

Таким образом, можно считать, что внутренняя противоречивость человеческой природы находит свое выражение и в амбивалентности оборотов с *tot еще*. Более того, получается, что экстремум и пейоратив движутся в семантическом пространстве «навстречу» друг другу. И результат такого взаимодействия в конкретном случае бывает разным: иногда побеждает «очень», а иногда — «плохо». Это зависит еще и от лексического значения существительного, входящего в данный оборот. Для проверки этой гипотезы обратимся к материалам НКРЯ (www.ruscorpora.ru; дата доступа 07.03.2017).

Всего на сочетании *tot еще, та еще, то еще, те еще* и их инверсионные варианты в НКРЯ зафиксировано примерно 4 с половиной тысячи вхождений. Правда, из них большая часть — это сочетание указательного местоимения *tot/ta/to/te* с частицей *еще* (примеры: *Внук Федя, тот еще мал; Тот еще больше разозлился; А то еще у него увлечение было — скрипка* и т. п.). В значительном числе примеров *то* играет роль частицы, союза или соотносительного слова в сложном предложении (*Я-то еще как уважаю; То он уже ушел, то еще не пришел; Если на Тимофея метель, то еще неделю мести будет*); это объясняет повышенную долю среднего рода в обследованном материале. Все эти примеры нас не интересовали и были удалены как посторонние. Остались в опыте 196 вхождений для оборота с семантикой Magn в мужском роде, 114 — в женском, 27 — в среднем и 53 — во множественном числе. Полученные количественные данные представлены в таблице.

Количество оборотов с *тот еще, та еще, то еще, те еще* в НКРЯ

Оборот	Общее количество вхождений в НКРЯ	В том числе с семантикой Magn
Тот еще / еще тот	559	196
Та еще / еще та	269	114
То еще / еще то	3340	27
Те еще / еще те	254	53

Первый вопрос, который нас интересует, это: какие существительные принимают участие в данном обороте?

При огромном разнообразии лексических единиц здесь бросается в глаза масса прямых инвектив или слов, которые словари сопровождают пометами *неодобр.*, *пренебр.*, *уничиж.*, *презр.* и т. п. Естественно, всем им свойственна сниженная стилистическая окраска. Это существительные мужского рода *баламут, бандит, бардак, геморрой, Иуда, кавардак, козел, нахал, трус, урод, фарисей, хулиган...* Существительные женского рода: *дура, гадость, гнида, змеюка, клоака, оторва, рожа, стерва, сучка, шамовка* и др. Их появление подтверждает общую (прототипическую) пейоративную семантику оборота. Из общего числа существительных мужского и женского рода примерно половина — наименования лиц, что тоже неудивительно с учетом оценочного характера всего оборота. Мы имеем здесь дело как бы со случаем семантического согласования: семантика всего оборота соответствует значению существительного, играющего в нем ключевую, опорную роль. Вместе с тем, обилие негативных номинаций здесь не должно удивлять. По словам исследователей разговорной речи, для нее «больше характерно выражение отрицательных оценок разного рода, чем положительных» [Земская, Китайгородская, Ширяев 1981: 112].

В тех же случаях, когда существительное по своей семантике нейтрально или в принципе оценивается положительно — *аромат, банкет, бизнес, боец, герой, колорит, характер, экземпляр...* (м. р.); *затяя, наука, перспектива, песня, разумница, романтика...* (ж. р.), *золото, искусство, лицо, оружие, удовольствие...* (ср. р.), *вопросы, гены, радости, чудотворцы...* (мн. ч.), на него наводится оттенок **иронии**, предвзятости, в конечном счете — несогласия или неодобрения. Это значит, что прототипическая пейоративная семантика конструкции подчиняет себе лексическое значение. Если же семе 'плохо' не удастся «победить» сему 'очень, много', то результатом их взаимодействия становится значение особенности, выпадения из общего ряда, отсылки к некоторому образцу. *Тот еще колорит* означает 'особый колорит', *та еще романтика* — какая-то 'необычная романтика'... Удивительно, но в составе данных оборотов со значением Magn, по данным НКРЯ, встречаются даже терминологические единицы, такие как *атмосфера, минное поле, наследственность, прононс, рациональность, цветопередача, цензор* и т. п.

Ироническая трактовка всего оборота очевидна и в многочисленных случаях употребления **диминутивов**, представленных в нашем материале. Вообще, как известно, ирония может быть стимулом к энантиосемическому развитию слова. Номинация может быть в основном своем значении нейтральной или даже

положительной, но ироническое отношение к предмету (лингвопрагматический аспект значения) легко переходит в критическое, и у слова появляется негативная коннотация. «Амбивалентность диминутивов — уже отмечавшаяся черта, вообще свойственная русскому характеру: то, что только что было хорошим, может стать плохим, милое — гадким, доброе — злым, без всякого перехода» [Протасова 2001: 82]. Это мы и видим в случаях вроде *видик, запашок, коллективчик, народец, подарочек, работничек, турнирчик* (м. р.); *дамочка, задачка, квартирка, погодка, работка* (ж. р.); *времечко, заседаньице, имечко, местечко* (ср. р.), *деточки, защитнички, квартирки* (мн. ч.) и т. п.

Некоторые слова на общем фоне выделяются своей употребительностью. Для оборота с опорным словом мужского рода самое частое существительное — это *фрукт* 7 (+ *фрукты* 3), затем *жук* 6 (+ *жучара* 1), *вид* 6 (+ *видок* 5, *видик* 2), *тип* 5 (+ *типчик* 1), *подарок* 4 (+ *подарочек* 2), *гусь* 4... Среди существительных женского рода самое частое — *штучка* 8 (+ *штучки* 1), потом идут *сволочь* 5, *смейка* 4, *стерва* 4, *сука* 3 (+ *сучка* 1) и т. д. Среди слов среднего рода безусловный чемпион — *удовольствие* 8. Среди повторяющихся представлены также существительные *боец, козел, геморрой, характер; картина, квартирка, публика; времечко, зрелище, пополнение* и др.

Таким образом, связь всего оборота с лексическим значением существительного, играющего в нем опорную роль, сводится, по нашим данным, к следующему:

— если существительное изначально содержит в себе сему неодобрения (это инвектива, «обидное слово» и т. п.), то оборот усиливает пейоративное значение;

— если существительное изначально характеризуется нейтральной или «положительной» семантикой, то оборот подчеркивает особенный характер референта, допуская конкуренцию отрицательной и положительной оценок. Возможно развитие иронического или дистанцированного отношения к референту;

— если существительное — диминутив, то оборот приводит к снижению его значения и развитию иронического оттенка.

Стоит задаться вопросом и о происхождении оборота с *тот еще*. Оборот этот — сравнительно новый для русского языка способ выражения функции Magn, пришедший из разговорной речи. Судя по всему, в его становлении принял участие и региональный или этнический фактор. Некоторые свидетельства указывают на его южно-русское или западно-русское происхождение. Интересна в данном плане цитата из книги Ирины Ратушинской «Одесситы»:

Лучших выбили, а **пополнение** — «**то еще**», как сказали бы в Одессе.

Если согласиться с этой точкой зрения, то вполне вероятно связь интересующего нас оборота с идиш, а через него — с германскими языками.

Такова общая картина употребления оборота *тот еще*... в современной русской речи. Но нельзя сбрасывать со счетов и еще одну его черту: это яркий признак разговорности, «свойскости». Оборот, что называется, «на слуху», и распространяется он довольно быстро, поэтому может появиться в совершенно неожиданных контекстах. Так, по устному свидетельству О. С. Иссерс, на омском телевидении

есть передача «Тот еще вечер», а в городе есть заведение под названием «Тот еще бар». Оценочный компонент в таких наименованиях стирается, зато подчеркивается особый статус референта, соответствие его некоторым образцам.

Литература

Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. Изд. 2-е. М.: Советский писатель, 1963.

Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: ЯРК, 1999. 780 с.

Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981. 276 с.

Крысин Л. П. О выражении лексической функции Magn в русской разговорной речи // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты. Сб. ст. в честь 80-летия И. А. Мельчука. М.: ЯСК, 2012. С. 344–348.

Кустова Г. И. Слова со значением высокой степени: семантические модели и семантические механизмы (Magn'ы-прилагательные) // Слово и язык. Сб. ст. к 80-летию акад. Ю. Д. Апресяна. М.: ЯСК, 2011. С. 256–268.

Максимов А. Н. Философия ценностей. М.: Высшая школа, 1997. 176 с.

Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». Семантика, синтаксис. М.: Наука, 1974. 346 с.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка, режим доступа: www.ruscorpora.ru

Пешковский А. М. Объективная и нормативная точка зрения на язык // Пешковский А. М. Избранные труды. М.: Учпедгиз, 1959. С. 50–62.

Протасова Е. Роль диминутивов в современном русском языке // Русский язык: система и функционирование. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. V. Тарту, 2001. С. 72–88.

Розина Р. И. «Перевертыши» разговорной речи // Znaczenie — text — kultura. Prace ofiarowane profesor Elżbiecie Janus. Warszawa, 2014. С. 105–110.

Химик В. В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000.

Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: НОРИНТ, 2004. 762 с.

Reuther T. Semantische Primitiva (Englisch, Russisch, Deutsch) // Slavistische Linguistik 2001. Referate des XXVII. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens. Frankfurt/Friedrichsdorf, 11–13.9.2001 / Hrsg. von H. Kusse. München, 2003. S. 287–307.

Выражаю благодарность Л. Л. Иомдину, Р. И. Розиной, А. Д. Шмелеву, сделавшим ряд полезных замечаний при обсуждении доклада на эту тему на Шмелевских чтениях в феврале 2018 г.

B. Yu. Norman

*Belarusian State University
(Belarus, Minsk),
Ural Federal University
(Russia, Ekaterinburg)
boris.norman@gmail.com*

**TOWARDS THE EXPRESSION OF THE FUNCTION MAGN IN RUSSIAN
EVERYDAY LANGUAGE (THE UTTERANCES OF THE *Tot esche student!*
(‘HE IS THAT STUDENT!’) TYPE)**

The author investigates conversational expressions of the *Tot esche student!* ‘He is that student!’ type. The order of the components and grammatical gender in them may vary: *tot esche/eshe tot, ta esche/eshe ta, to esche/eshe to, te esche/eshe te* (*tot yeshche/yeshche tot, ta yeshche/yeshche ta, to yeshche/yeshche to, te yeshche/yeshche te*). These constructions are used to express the lexical function Magn ‘high degree, intensity’. Usually these expressions have pejorative (negative) connotation, but sometimes they are used to convey the feelings of approval and even admiration. Examples from contemporary Russian works of fiction are provided. The author attempts to reveal the mechanisms of correlation and interaction of ‘quite’ and ‘badly’ semes. The article provides semantic analysis of nouns that fill the position of predicates in these expressions. On the basis of the material extracted from the Russian National Corpus (about 400 examples), it is shown that words with originally negative connotation (*бандит bandit* — ‘bandit’, *нахал nakhal* ‘cheeky’, *угод urod* — ‘freak’) match the general semantics of the expression. Words with neutral and positive meanings (*бизнес biznes* — ‘business’, *герой geroi* — ‘hero’, *золото zoloto* — ‘gold’), after becoming a part of the expression, get ironic reading. Irony is most obvious in case of diminutives (*народиц, подарочек, работка* [lit. little people, present, job] etc.).

Keywords: Russian everyday language, lexical function, noun, negative connotation, diminutive, irony.

References

Bahtin M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky’s poetics]. 2-nd edition. Moscow: Sovetskii pisatel’ Publ., 1963.

Vezhbickaya A. *Semanticheskie universalii i opisaniye yazykov* [Semantic universalia and description of languages]. Moscow: YaRK Publ., 1999. 780 p.

Zemskaya E. A., Kitaigorodskaya M. V., Shiryaev E. N. *Russkaya razgovornaya rech’*. *Obshchie voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis* [Russian spoken language. General questions. Word formation. Syntax]. Moscow: Nauka Publ., 1981. 276 p.

Krysin L. P. [About expression of the lexical Magn function in the Russian spoken language]. *Smysly, teksty i drugie zakhvatyvayushchie syuzhety*. Sb. st. v chest’ 80-letiya I. A. Mel’chuka. Moscow: YaSK Publ., 2012, pp. 344–348. (In Russ.)

Kustova G. I. [Words with value of high degree: semantic models and semantic mechanisms (Magn's — adjectives)]. *Slovo i yazyk*. Sb. st. k 80-letiyu akad. Yu.D. Apresyana. Moscow: YaSK Publ., 2011, pp. 256–268. (In Russ.)

Maksimov A. N. *Filosofiya cennostei* [Philosophy of values]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1997. 176 p.

Mel'chuk I. A. *Opyt teorii lingvisticheskikh modelei «Smysl ↔ Tekst»*. *Semantika, sintaksis* [Approaches to the theory of linguistic models “Sense ↔ Text”. Semantics, syntax]. Moscow: Nauka Publ., 1974. 346 p.

NKRYa — *Nacional'nyi korpus russkogo yazyka* [National Corpus of Russian Language], URL: www.ruscorpora.ru

Peshkovskii A. M. [The objective and standard point of view on language]. In: Peshkovskii A. M. *Izbrannye trudy*. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1959, pp. 50–62. (In Russ.)

Protasova E. [A role of diminutives in modern Russian]. *Russkii yazyk: sistema i funkcionirovanie. Trudy po russkoi i slavyanskoi filologii. Lingvistika. Novaya seriya*. V. Tartu, 2001, pp. 72–88. (In Russ.)

Rozina R. I. [“Transmutations” of informal conversation]. *Znaczenie — text — kultura*. Prace ofiarowane profesor Elżbiecie Janus. Warszawa, 2014, pp. 105–110. (In Russ.)

Khimik V. V. *Poetika nizkogo, ili Prostorechie kak kul'turnyi fenomen* [Poetics of low, or Popular speech as cultural phenomenon]. St. Petersburg : Philological faculty of St. Petersburg State University, 2000.

Khimik V. V. *Bol'shoi slovar' russkoi razgovornoj ekspressivnoi rechi* [Big dictionary of the spoken expressive Russian]. St. Petersburg: NORINT Publ., 2004. 762 p.

Reuther T. Semantische Primitiva (Englisch, Russisch, Deutsch). *Slavistische Linguistik 2001*. Referate des XXVII. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens. Frankfurt/Friedrichsdorf, 11–13.9.2001. Hrsg. von H. Kusse. München, 2003. S. 287–307.